

«ПРО ВОЙНУ Я БОЛЬШЕ НЕ ПИШУ»

Борис Васильев семнадцатилетним добровольцем ушел на фронт. Ему повезло, он вернулся. Окончил Бронетанковую академию. Испытывал танки. Знаменитый и любимый писатель. Могут забыться какие-то эпизоды из его произведений, даже имена героев, но ощущение комка в горле остается надолго. Наверное, навсегда. По сценариям Васильева поставлены «А зори здесь тихие...», «Очередной рейс», «Офицеры», «Аты-баты, шли солдаты», «Завтра была война», «Не стреляйте в белых лебедях», «Я — русский солдат» — вехи отечественного экрана. Совсем недавно к семидесятипятилетию писателя телевидение снова показало нам его девочек, которые ушли навсегда в тихие зори. Чтобы навсегда остаться с нами.

— Борис Львович, для многих фронтовиков война — единственное, что они сделали в жизни. Самое важное. Является ли военной тема главной в вашем творчестве?

— Далеко нет. На «фронтные» темы у меня всего четыре работы. «Завтра была война» — о тех, кому суждено было погибнуть. «Зори» — о том, чего стоит война: женщин убивают. «В списках не значился» и «Встречный бой». Больше я войной не занимался, потому что исчерпал эту тему для себя, военные сюжеты перестали меня интересовать.

— Но известно, что в «ВАГРИУСе» сейчас готовится книга ваших воспоминаний, где вы рассказываете об окруженцах сорок первого.

— Да, я назвал ее пока «Незабудки на минном поле». Об окружении московском у нас еще никто не писал. Я сам окруженец. Но это не возвращение к военной теме. Просто у меня ТАКИЕ воспоминания. Такой он, мой XX век.

— Вы считаете, что военный жанр себя на сегодня исчерпал?

— Нельзя объявить поход писать о войне. Зачем? Если есть у писателя потребность, он не станет молчать. Только кому сегодня этим заниматься? Кто там остался? Витя Астафьев, Бывов, я, Бакланов, Бондарев... Ну Виктор еще напишет. Да и о чем стоит говорить? Вот, к примеру, тема без вести пропавших. Не писать об этом сейчас нужно, а искать их всеми силами и средствами. Люди мы или нет? Боже мой! Посмотрите на американцев. Они ни одного своего не оставляют. Ищут, ищут — и находят. И торжественно с почестями хоронят. А мы? Подумаешь — нарожают бабы. Дикость и чисто русская манера. Писать надо о нравственности. И на войне в том числе.

С другой стороны, не новость, что День Победы становится исторической датой, время-то идет. Так не считаем же мы сейчас потерянных в битве с Наполеоном и не станем писать роман о солдате, который погиб на Смоленщине от французского штыка, а мы его до сих пор не хоронили. Что это даст? Ничего.

И потом, не будем путать моральный аспект с государственным. А то приходится порой слышать: вот в центре страны лежат незахороненные солдаты, а на Поклонной горе соорудили бронзовую Нику. Ну да, мы все делаем помпезно. Вкус у нас такой. Да и откуда ему, вкусу, взяться? Интеллигенцию растеряли. Из избы? Увольте — там другой вкус.

А мемориал был нужен. И захоронения тут ни при чем. Что же нам теперь впадать в грусть по поводу того, что мы разгромили немцев? О чем тут горевать?

— О современной войне: об Афганистане, Чечне, Югославии вам не хочется написать?

— Не могу — я там не был. Но мнение свое по поводу «горячих» точек изложу — извольте. В 41-м году мы защищали Родину. Не режим, не власть, не правительство — свой дом, свою улицу, своих родных и близких. Наши ребята сегодня не знали, за что воевали. Маленькая горная страна для них была чужой. У солдат не было внутренней убежденности в том, что они поступают нравственно, правильно. У тех, кто побывал в Афгане и тем более в Чечне, могло быть только одно ощущение — их заставляли убивать. Не воевать — убивать. Для чеченского народа это была отечественная война, для нашего — захватническая. Потому мы ее и проиграли. А наши дети погибли бездарно, бестолково, неизвестно за что. У тех, кто выжил, произошел невероятный психический сдвиг, слом. Во время Великой Отечественной все было иначе. Уголовники уходили из зон добровольцами на фронт и, пройдя через ад освободительной войны, возвращались в мирную жизнь обновленными.

Что до Югославии, то бомбить в центре Европы огромное государство — варварство. Да, Милошевич действительно устроил геноцид, но существуют же другие способы борьбы. Народ ведь не виноват. Сейчас благодаря нам стало потише. Конечно, Чернобырдин больше всех постарался.

— Кроме Виктора Чернобырдина, есть у вас любимые политики? Могли бы вы с кем-нибудь из наших государственных деятелей пойти в разведку?

— С Кириенко и Немцовым. Они завтрашний день России. Очень волевые, знают, чего хотят, и умеют держать удар, добиваться своего. И они мне симпатичны чисто внешне — интеллигентны. Не мурло мешанина, которое каждый день вылезает на телеэкраны. Сколько этих морд в нашей Госдуме! Плюнуть негде. Ну не могу я больше на них смотреть, ребята! А в новую интеллигенцию я верю и желаю ей только побед. На выборах в том числе.

— Современная армия не вызывает ваш писательский интерес?

— Не имею права о ней говорить, я больше не служу. Это сложный механизм, понять его можно только изнутри. То, что она опущена, унижена, опозорена, — это факт. Но она по-прежнему сильна. И не дай ей Бог воевать.

— Сейчас часто ведутся разговоры о воспитании у нашей молодежи патриотизма.

— Да есть у наших мальчиков патриотизм. К ребятишкам, которые «косят», я отношусь с пониманием. «Косят» не потому, что не любят родину, а потому что не хотят под кулак какого-нибудь Обормотова. Ни перед Отчужденной, ни во время нее

дедовщины не было. Попробуй только — пулю получишь. Тут же. Офицеры сегодня обленелись, даже ночевать в казармах перестали, отдали все на откуп сержантам и старшинам. А говорить о патриотизме — все равно что повторять: «Я люблю маму!» Ну люблю я маму — о чем тут толковать. Надо, конечно, сокращать армию, но куда прикажете девать людей в стране, где пока еще не рыночные отношения, а только базарные? Вон они, офицеры демобилизованные, идут могилы рыть. Дело, конечно, божеское, и кладбищенская работа — святая. Хорошо опять же, что не с пистолетом нас поджидают за углом.

— Как вы относитесь к тому, что, нарушая европейскую традицию, наши женщины тоже стали служить в армии?

— Я им очень за это благодарен. Женщина в армии необходима. Для мужчины это психологическая разгрузка. У него появляется объект для ухаживания. Он — в форме, подтянут, выбрит, не орет матом. Пусть мужик побеждает с автоматом, а за компьютером барышня посидит.

— Вся страна плакала над вашими девочками в «Зорях». Почему лучшие герои ваших произведений погибают? Так хочется, чтобы они жили, делали жизнь лучше. А они погибают. Почему?

— Главная причина в том, что жизнь-то у нас трагическая, а не комедийная. Россия живет в жанре трагедии. Весь XX век. И это — в традиции русской литературы, которая, как и великая европейская, непредсказуема. Наша литература не знает хэппи энда, за редким исключением. Это американцы предсказуемы. Они очень юная нация и пока еще не освоили этот жанр. Героя американской литературы всегда ждет поцелуй с любимой в последнем кадре.

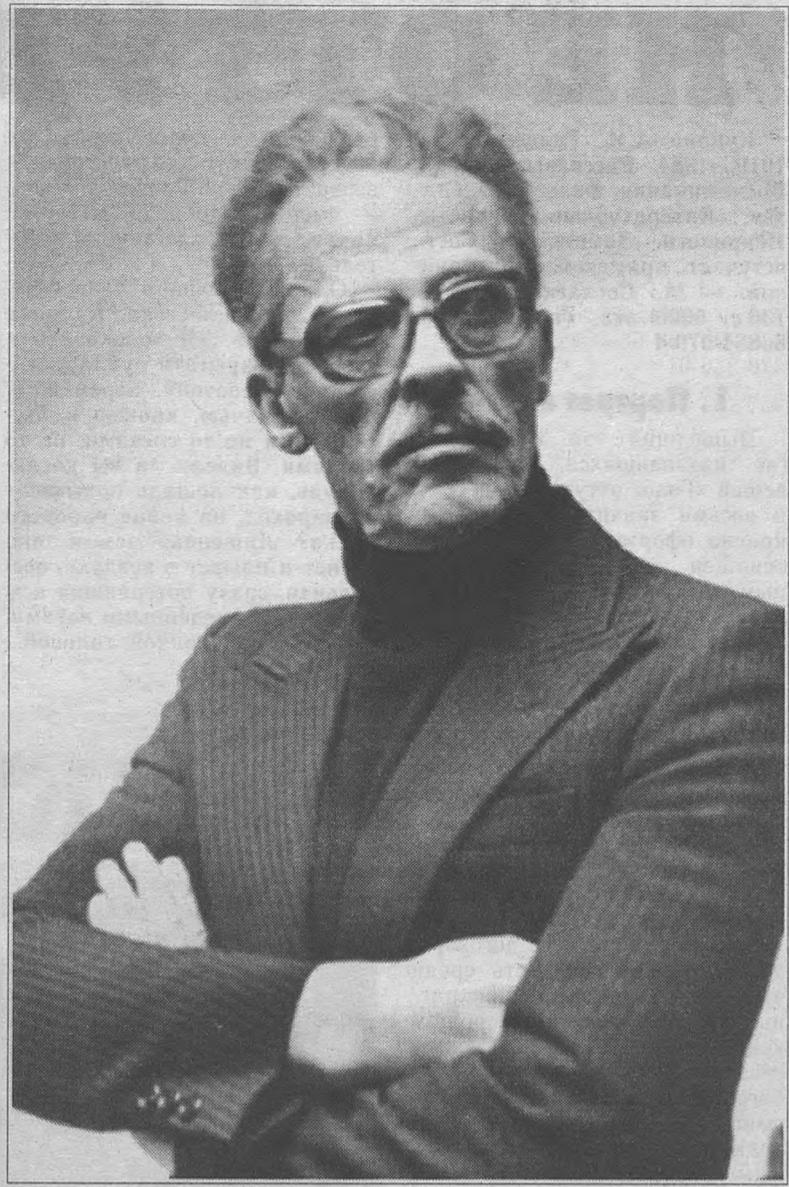
— Некоторым критикам кажется, что для того, чтобы достучаться до читательских сердец, вы и делали больно. Ведь вы начинали писать, когда в стране господствовало равнодушие.

— Совершенно верно. Непробиваемая слоновья броня. Почитали книжку — пошли, зевнув, чайку попить. Шприцем и зубилом приходилось пробиваться до нервов.

— То есть был расчет?

— Скорее, протест. Повторяю: я — человек европейской культуры. В общем смысле этого слова. Эта древняя и непредсказуемая культура отправит вашего любимого героя на тот свет совершенно запросто. Если обстоятельства сложатся так, что он не сможет уцелеть, литература «напишет ему убойный». В настоящей литературе все как в жизни, а не как читателю хочется.

— Вот вы говорите о европейской культуре. А какое сегодня, в конце XX века, на ваш

взгляд, состояние нашей культуры?

— Вопрос интересный. Давайте сначала уточним, что такое культура. Это не искусство, не литература. Это — мораль и право. Книги, театр — это вывеска культуры, ее фасад. О культуре народа судится по морали общества и по праву государства. Мораль у нас на дне. То, что принято у нас называть культурой, — просто танцы с приплясыванием. Не о том вы все говорите! Эта культура ничему не научит, ничего не объяснит. Когда-то русская литература вольтовой дугой соединила две разведенные социальные группы: крепостных и помещиков. Потому и отмена крепостного права прошла легко. А чем занималась советская литература? О чем кричала она? Зюганов вон до сих пор не успокоится. Искусство сейчас барахтается, и главная его задача — проблемы нравственные, а не мелкопартийные.

— В нашем разговоре вы несколько раз затронули тему интеллигенции. У вас есть ощущение, что она исчезает?

— Вымирать стала. То поколение, которое пришло из старой России. Они и через ГУЛАГ прошли и войной их повыбивало, а преемственности не получилось. Русская интеллигенция была дворянской. Не в смысле голубых кровей. Я имею в виду независимость. Наша же интеллигенция — служивая. Вот и перестала быть общественной силой. Независимость заменили образованием. Это неадекватно. Я не люблю термин «образованщина», введенный Солженицыным. Но не могу с ним не согласиться.

— Солженицына сейчас называют мессией, а вас живым классиком. Как вы относитесь к такой оценке вашего творчества?

— Я не знаю, будут ли меня читать через 20 лет. Во всяком случае, переживать из-за такого названия не собираюсь. Мы очень как-то любим навешивать

ярлыки: классик, мессия. Не надо, ребята. Потомки сами как-нибудь разберутся.

— Известно, что вы работаете 10 часов в сутки. Над чем трудитесь сейчас?

— В последнее время увлекся историей. «Утоли моя печали», «Картежник и бретер, игрок и дуэлянт» — исторические вещи. К концу лета в «Армаде» должен выйти мой роман о Скобелеве — «Есть только миг». Также сочиняю роман о княгине Ольге.

— Есть у вас любимые издатели? Каким вы находите современное книгоиздание?

— Оно стало коммерческим. Это вполне естественно для России. Пишите хорошо — вас будут печатать. Хватит уже прикрываться тематикой или парткомом. Книжный рынок сегодня открыт для любого. Это благо, а не зло.

— Но многие издательства выбрасывают на рынок огромное количество макулатуры.

— Это муть, пена. Она сойдет. Когда у наших малограмотных читателей закапает из ушей, он перестанет покупать всякую чуху.

Самое же любимое издательство, пожалуй, «ВАГРИУС». Там издают мою прозу тиражом, который не окупается. Однако издатели идут на это. Конечно, чтобы выйти из положения, им приходится заниматься выпуском массовой литературы. Но во благо же. Спасибо им за все.

Работать мне сегодня никто не мешает. Вот что главное. Раньше каждая вторая книга уходила в стол. Теперь печатают все. Ничего не залеживается. В любимцах у власти я не был никогда, но народ меня читал. У Ельцина я опять же не в любимчиках. Дело тут даже не в моей литературе, а в публицистике. Но молчать я не собираюсь. Борис Николаевич не дождался. Привет ему и низкий поклон. Если что-то накапливает, сажусь к столу — и тут же пишу. Берут охотно — и газеты, и журналы.

Беседу вела
Евгения УЛЬЧЕНКО